

Глава 21: В надежде, что мой муж придёт

Моясь вечером перед сном, один купался в ванной, а другой сидел в деревянном тазу во дворе.

Шэнь Цзицзе был один в тускло освещенной ванной и вдруг вспомнил, что произошло прошлой ночью, ему стало страшно. В этом маленьком помещении необычайно тихо, что-то должно нарушить это.

"Жун-Жун, что ты делаешь?" — он знал, что Лу Жун купается на улице, но намеренно спросил громко.

"Я смываю мыло," — слышался голос Лу Жуна.

Шэнь Цзицзе нечего было сказать: "Очевидно, ты моешь свою броню."

В результате Лу Жун не стал с ним спорить, а только ласково сказал: "Броня - это просто броня."

Шэнь Цзицзе мог только сказать: "Жун-Жун, спой мне песню."

"Я не умею петь."

"Не ври, неужели в твоей школе не учат пению?"

"Хе-хе-хе..." — улыбнулся Лу Жун.

"Спой скорее, спой своему брату," — Шэнь Цзицзе быстро смыл мыло со своего тела.

Лу Жун сел в деревянный таз, протянул руку, чтобы набрать воды, понаблюдав, как вода сверкает под звездным небом, медленно вылил ее обратно в таз.

"На горе Лунцюань абрикосовые цветы распускаются в марте.

Держа в руке веточки цветов, в надежде, что мой муж придет.

Птицы шумят в апреле, а цветы абрикоса становятся белыми в мае.

В июле цветы абрикосов покрывают горы, когда же придет муженек..."

(Буду честна, я не нашла откуда это, песня или стих, судя по всему, это произведение может быть на Weibo или что-то народное, потому что перерыв весь интернет, я не нашла ничего похожего. Лан (□) может переводиться, как "муженёк", а Ван, как "надежда", "желание" или "высматривать". Думаю, сюжет таков, муж ушел куда-то далеко, может быть и вовсе умер, раз мы говорим о горе, он сорвался вниз и разбился, его супруга может не знать об этом, поэтому ждёт его уже 4 месяца. Если вам что-то известно об этом стихе или песне, пожалуйста, буду благодарна, если вы напишите мне об этом.)

...

Шэнь Цзицзе собирался продолжить настаивать, когда услышал, как снаружи поет молочным голосом Лу Жун. Голос был тонким и чистым, но нарочито печальным, напоминая о смерти.

Выслушав несколько слов, он перестал вытирать намыленную руку и чуть не рассмеялся вслух.

Лу Жун часто слушал, как женщины в деревне поют эту песню, поэтому выучил ее. Дедушка Цай сказал, что они думали о своих работающих мужчинах.

Он не мог понять эти чувства, но мог подражать им, очень сосредоточенно петь, сидя в деревянном тазу, бесконечно что-то бормоча.

"Лу Жун, о ком ты думаешь? Где твой муж? Ха-ха-ха-ха..." — проходящие мимо деревенские жители громко рассмеялись, услышав это: "Ты убиваешь меня, ребенок."

Лу Жун не рассердился на то, что его прервали, а только улыбнулся и сказал: "Я думаю о своей жене."

"Ха-ха-ха-ха..." — Деревенские жители засмеялись еще пуще.

Дел Цай вышел из дома, держа в руке большое полотенце, и сказал с улыбкой: "Что за чушь? Быстро вылезай, перестань мокнуть."

Они вдвоем лежали на кровати, тихий лунный свет заливал дом, а прохладный ветерок врвался из открытого окна, донося вдалеке тихое пение.

"На горе Лунцюань абрикосовые цветы распускаются в марте.

Держа в руке ветки цветов, в надежде, что мой муж придет..."

Песня отличалась, до этого она была нарочито печальной. Легкая грусть и затяжная, тягучая тоска были заложены в нее сейчас.

Очевидно, кто-то начал слышать пение Лу Жуна, и это побудило его на определенные мысли.

Шэнь Цзицзе подложил левую руку под голову и некоторое время прислушивался, его эмоции постепенно улеглись, и он действительно сошел с ума, прежде чем осознал это.

Ему было всего одиннадцать лет, и он не понимал смысла этой песни, но он был очень чутким, почему-то в его сердце чувствовалась боль.

Лу Жун спокойно покоился на его правом плече, время от времени поглядывая на человека, положившего на него голову, и, наконец, неубедительно сказала: "Она поет не так хорошо, как я."

"Да? — Шэнь Цзицзе внезапно пришел в себя и изумленно спросил:

"Она поет не так хорошо, как я," — повторил Лу Жун.

"О, верно," — небрежно сказал Шэнь Цзицзе.

Лу Жун, некоторое время смотревший на него, изогнув две тонкие брови, внезапно поднялся и сел.

Казалось, в одной руке он держал цветочную ветку, а в другой - иголку с ниткой. Он изогнул свое маленькое тельце и открыл рот: "Лунцюань..."

Шэнь Цзицзе внезапно перевернулся и сел, протянул руку, чтобы прикрыть рот, и поспешно сказал: "Да, да, это определенно не так хорошо, как ты поешь. Я понял, больше не нужно петь."

Он вымолвил еще несколько слов, его тон был вполне искренним, Лу Жун отказался от идеи выступить снова и вновь лег в постель.

Они оба закрыли глаза, прислушиваясь к тонкому пению.

"Гэгэ, пощипай мои уши," — Лу Жун промурлыкал что-то себе под нос и сказал.

"Какое ухо пощипать?"

Лу Жун вытянул его правую руку и приложил ее к мочке уха.

Он всегда просил дедушку потрогать его за уши и почесать спину, когда он засыпал. В последние несколько дней ему было неловко просить о помощи, когда он спал с Шэнь Цзицзе, его сон стал не очень хорошим.

Теперь, когда они очень близки, он, естественно, просит о пособиях перед сном.

Шэнь Цзицзе небрежно сжал его несколько раз, чувствуя себя неловко, поднимая руку, поэтому он убрал ее и сказал: "Больше не буду, засыпай сам."

"Тогда помоги мне почесать спинку," — Лу Жун изогнулся всем телом.

"Тоже не буду делать, быстро ложись спать."

Хотя Шэнь Цзицзе не был молодым господином, которому служили его родители дома, он никогда не служил никому другому. Теперь, когда он хорошо относился к Лу Жуну, это был его предел.

Лу Жун повернул руку, чтобы почесать спину, несколько раз почесал ее вне пределов досягаемости, затем повернулся и ущипнул себя за мочки ушей. Пощипав их некоторое время, он снова почувствовал себя неудобно, снова переворачиваясь блинчиком на кровать.

Он закрыл глаза, и как только поставил ноги на стену рядом с собой, чья-то рука легла ему на ухо.

"Что ты делаешь, вертись? Ложись как следует и сними ноги," — нетерпеливо сказал Шэнь Цзицзе, ущипнув Лу Жуна за уши.

Лу Жун немедленно убрал ноги, повернулся лицом к Шэнь Цзицзе и обнял его за талию.

"Здесь жарко, держись от меня подальше," — Шэнь Цзицзе не очень сильно толкнул мальчика.

Лу Жун обнял его за талию и уткнулся в шею, горяча обжигая дыханием.

Он сделал два глубоких вдоха и почувствовал, что запах, исходящий от тела его гэгэ, очень приятен, что напоминал ему аромат в воздухе, когда он, превращаясь в олененка, бегал по лесу.

"Я собираюсь пощипать всего две минуты, ты поторопись и засни, я перестану щипать через две минуты," — сказал Шэнь Цзицзе.

"Десять минут."

"Хорошая попытка, всего лишь каких-то десять минут."

Лу Жун тихо взмолился: "Пощипай пять минуточек."

Шэнь Цзицзе не издал ни звука, что означало согласие.

Лу Жун закрыл глаза и зевнул, с наслаждением потирая пальцы.

Шэнь Цзицзе почувствовал мягкую кожу под своими руками, двигался очень мягко, даже не замечая, что его предел снова опустился.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326850>